

*Философские воззрения С. Булгакова
перед утверждением человекобожества
советского общества*

Панищев А.Л.

Курск. Курский институт социального образования
(филиал) Российского государственного социального университета

*Божья кара истребит царя,
уклоняющегося от своего долга,
царя и весь его род.*

Книга Ману

Многие исследователи русской философской мысли связывают развитие философии в России с реформами Александра II. Так, в работе «История русской философии» Н.О. Лосский утверждает, что интенсивный рост русской философии был обусловлен либерализацией общества в период правления Александра II (1855-1881). Однако следовало бы обратить внимание на то, что на фоне освобождения крестьян, точнее на фоне культивирования идеи свободы, в стране вырабатывались новые формы закрепощения людей, уже имевших представления о личной независимости, но всё же её не получившие. Эти социальные процессы заставили часть общественности обратиться к пересмотру принципов государственного устройства в России, а монархическое правление предстало у них как источник социальной, а главное, нравственной несправедливости. Поэтому-то в конце XIX столетия, несмотря на консервативность взглядов сельского населения, становилось очевидным, что Россия приближается к революционным потрясениям. Конечно, кризис монархии в России существенно стимулировал развитие русской философской и правовой мысли и оказал влияние на становление правовых воззрений русских религиозных философов. Концепции последних смогли представить альтернативу тем моделям государственного устройства, в которых общественное развитие могло бы характеризоваться ростом конституционных свобод. Действительно, «развитое право по происхождению своему антидеспотично, по конечной тенденции – антитоталитарно» (Соловьёв Э.Ю. Прошлое толкует нас. М., 1991, с. 232). В условиях Российской империи смена государственного монархического строя на социалистический или демократический без обращения к волюнтаристским мерам была маловероятна. Однако русские религиозные философы не одобряли крайних мер, поскольку последние противоречили их

этическим представлениям. «Полемика двух направлений в философии и теории права, возможно, не была бы такой острой, если бы не общественная атмосфера предреволюционных преобразований...» (Мелешко Е.Д., Макаров Р.Н. Идея синтеза морали и права в теории федерализма А.С. Яценко. Тула: ТГПУ, 2003, с. 35). Наиболее приемлемым способом совершенствования социума стал поиск путей развития нравственного и правового сознания каждой личности и общества в целом. Собственно говоря, такой путь социального развития эффективен при любой модели государственного устройства.

Одной из их причин социальных потрясений в России стало то, что часть русской общественности поставила под сомнение возможность интенсивного развития нравственного сознания русского народа в условиях монархического правления в России. Более того, рядом мыслителей, прежде всего анархистами, под сомнение ставилась действенность и обоснованность с духовной точки зрения самого государства как формы общественного бытия. Таким образом, уместно говорить о кризисе монархии, которая в сознании нации перестала восприниматься как должная форма общественного бытия. С.Л. Франк в статье «Крушение кумиров» весьма точно характеризует отношение народа к царской власти, которая для людей стала символизировать зло и несправедливость. Для русской культуры, в среде которой идея государственности традиционно была одной из основных, пересмотр своего отношения к государству и царской власти был связан с переоценкой культурных ценностей. Если ранее в народе господствовало мнение, что именно государство, построенное по разумению человеческому, в своей структуре должно было отражать те идеи, которые были вне всякого земного устройства – идеи Царства Божьего, то на рубеже XIX-XX веков ситуация сильно изменилась. Более того, с переосмыслением смысла государства, которое с Петра I включало в свою структуру и Церковь, изменилось понимание роли русского народа в истории. Отныне в ментальный мир нации закралось сомнение в своём мессианском долге. Ф. М. Достоевский замечает: «...если великий народ не верует, что в нём одна истина... то он тотчас же перестаёт быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал...» (Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 Т., т. 8, М.: «Правда», 1982, с. 245). Так что не вызывает удивления тот факт, что на фронтах русско-японской войны были зафиксированы первые случаи трагикомичного искажения российского государственного гимна «Боже, Царя храни». Такое весьма ироническое отношение к тому, что было ещё десятилетие назад неприкосновенным и священным,

указывает на глубочайший кризис культуры, на неверие значительной части населения в те идеалы, которые для данной культуры были фундаментальными, смыслообразующими. После пересмотра составных компонент религиозного мировоззрения русский человек стал стремиться к земным благам, но их принятие без духовного осмысления порождало лишь потребительское отношение к миру и к другим культурам. Теперь русскому народу предлагалось утвердить своё бытие не через решение духовных задач, характер которых задаётся духовными представлениями о совершенном Божьем мире, а посредством достижения целей, сущность которых определяется рациональными убеждениями. Именно такому человеку адресуются слова Ф.М. Достоевского: «Помилуй, кричу ему, да неужто ты себя такого, как есть, людям взамен Христа предложить желаешь?» (Достоевский Ф.М. Там же, с. 209).

Разочарование в прежних идеях, ране вдохновлявшие нацию на подвиги, породило духовное опустошение, которое стало губительным для Русской православной культуры. Здесь следует обратить внимание на справедливое замечание С. Булгакова, который отмечает: «Религия... в целостности своей находится выше морали и потому свободна от неё: мораль существует для человека в известных пределах, как закон, но человек должен быть способен подниматься и над моралью» (Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М., 2001, с. 82). Здесь Булгаков подчёркивает то, что ориентация на нравственное содержание человека вне духовной жизни и опыта евхаристического общения означает его самонаправленность на самого себя, ибо нравственное чувство дано априорно и не обязательно связано с раскрытием перед индивидом трансцендентных горизонтов. Эта идея утверждения человеческого существа вместо Бога, очеловечивание индивида вместо обоживания оказалась следствием развития в русской культуре идеи сверхчеловека, принявшая значение человекобога. Такая позиция неизбежно ведёт к кумирству и, следовательно, к появлению кумира, который характером своего личного нравственного облика задаёт меру возможности в нравственном развитии других людей. Человек новой Советской России не понимал, что «нравственность имеет силу только для человека в его греховной ограниченности и не имеет для абсолютного значения. Добро от Бога, Он есть источник Добра, но Бог не есть Добро... Бог выше Добра» (Там, же, с. 82). Безусловно, следуя за апофатическим богословием, необходимо признать, что такими качествами как любовь, благо, добро, мудрость не исчерпывается вся полнота

сущности Божества – эти качества есть только атрибуты, посредством которых Бог сообщает тварному миру о своём бытии.

Советское же общество, провозгласившее принципы высокой нравственности, оказалось, в своей сущности, бездуховным и без Бога попыталось на основе человеческих сил построить идеальный мир – коммунизм. Фактически, здесь человек оказался прельщённым возможностями собственной природы, которую он начал мыслить вне Бога, как свою субстанциональную основу. Именно здесь уместно говорить о актуализации идеи человекобога, которая по сути противостоит образу Богочеловека. Между тем, С. Булгаков предупреждает: «Никогда нельзя примириться с собой, и эта непримиримость есть, может быть, высшее достоинство человека» (Там же, с. 379). В данном случае мыслитель подчёркивает то, что если индивид смиряется с тем, что его состояние статично, то происходит погрязание человеческого достоинства, которое заключено в способности личности к теозису. Соответственно, исчерпав все свои возможности, построив мир на рациональных принципах, индивид оказывается перед фактом своей смертности, которая не имеет смысла для его внутреннего мира. Отсюда начинается сомнение в самой природе человека и его постепенное нравственное растрепывание. Первоначально идеей своего самозаклещённого достоинства прельстилась российская интеллигенция. «К сожалению, – пишет С. Булгаков в работе «На пиру богов» – этой интеллигенции нигилистической имя — легион. Ведь все эти на вид невиннейшие народные дома, библиотеки, курсы для рабочих, «разумные развлечения», — все это фактически суть средства религиозного развращения народа». Постепенно это прельщение распространилось на другие слои населения.

Укоренение в русской культуре правовых концепций оказалось стремлением поставить не просто суд человеческий в качестве альтернативы божескому, но утвердить права в качестве субстанциональной основы для государственности и всякого общественного порядка. Между тем, «в принудительную форму права, облечённого защитой организованного принуждения, может быть закономерно включено не всякое содержание, а лишь принимаемое... фактическим правосознанием» (Там же, с. 606). Фактические же правосознание в России не было способно охватить те стороны бытия, которые право должно было контролировать.

Всё же надо отметить, что, несмотря на расцвет во второй половине XIX столетия в России философии права, воззрения русских мыслителей так и не стали органичной частью мировоззрения общества в целом, определяющим культурную интенцию нации. По существу элита российского общества, хотя и

создала шедевры мировой культуры и философии, но так и не смогла существенно повлиять на массовое сознание. В принципе в условиях степени образованности русского народа это было естественным. Конечно, иностранцев всегда удивляла духовная чистота и доброта русского человека. Например, поведение солдата русской армии, будь он в Берлине в 1760 году или в Париже в 1813 году, всегда отличалось благочестием и благородством. Однако уровень образованности и элементарной грамотности нации был весьма низкий. Между тем, как пишет Н.Н. Глубоковский: «Всякая наука для своего развития требует хорошей специальной школы и широкой образованной аудитории. Без первой она лишается питающего источника и объективного фундамента, без второй, не будучи нигде и никем воспринимаемой, не находит для себя жизненных корней, прозябает, чахнет и вянет, как тепличное растение в неблагоприятной обстановке» (Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002, с. 5). На таком фоне правовые идеи, и воззрения касательно достоинства человека превращались в гордыню людей, которые без достаточного духовного опыта решили судить о вещах, имеющих отношение к божескому бытию. Так что неудивительно звучат слова С. Булгакова из его работы «На пиру богов»: «Погибло, все погибло! Умерло все, и мы умерли, бродим, как живые трупы и мертвые души. До сих пор ничего я не понимаю, мой ум указывается вместить. Была могучая держава, нужная друзьям, страшная недругам, а теперь – это гниющая падаль, от которой отваливается кусок за куском на радость всему слетевшемуся воронью. На месте шестой части света оказалась зловонная, зияющая дыра. Где же он, великодушный и светлый народ, который влек сердца детской верой, чистотой и незлобивостью, даровитостью и смирением? А теперь – это разбойничья орда убийц, предателей, грабителей, сверху донизу в крови и грязи, во всяком хамстве и скотстве. Совершилось какое-то черное преобразование, народ Божий стал стадом гадаринских свиной».

Список используемой литературы

1. Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М.: АСТ; Харьков: «Фолио», 2001. – 672 с.
2. Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. М.: Издательство Свято-Владимирского Братства, 2002. – 191 с.

3. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 т., т. 8. – М.: «Правда», 1982. – 461 с.
4. Мелешко Е.Д., Макаров Р.Н. Идея синтеза морали и права в теории федерализма А.С. Яценко. – Тула: ТГПУ, 2003. – 290 С.
5. Соловьёв Э. Ю. Прошлое толкует нас. – М.: Политиздат, 1991. – 430 с.
6. Франк С.Л. Сочинения. Мн.: Харвест, м.: АСТ, 2000. – 800 с.

Панищев А.Л. Философские воззрения С. Булгакова перед утверждением человекобожества советского общества / А.Л. Панищев // Мир языков в наследии отца Сергея Булгакова: Сборник материалов научно-практической конференции (6-7 октября 2007 года). Шуя, 2008. – С. 190-195.